

**МЕЛЕХОВА АНЖЕЛИКА ЕВГЕНЬЕВНА,
СТУДЕНТКА 1 КУРСА
БПОУ ВО «БЕЛОЗЕРСКИЙ ИНДУСТРИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
КОЛЛЕДЖ ИМ. А.А. ЖЕЛОБОВСКОГО»**

**НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ:
ПОКЛОНЦЕВА ЛЮБОВЬ НИКОЛАЕВНА,
ВОСПИТАТЕЛЬ БПОУ ВО «БЕЛОЗЕРСКИЙ ИНДУСТРИАЛЬНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ КОЛЛЕДЖ ИМ. А.А. ЖЕЛОБОВСКОГО»**

НАША РОДОСЛОВНАЯ - ЭТО НАША ИСТОРИЯ

Что такое семья? Слово это понятно всем, как слова «хлеб», «вода». Семья - это, где тебя любят и уважают, где даже в самой плохой ситуации тебе открыты двери дома. Это доверие друг к другу. Это вера и честность.

Каждая семья ждет надежды на то, чтобы все близкие люди были здоровы, чтобы в семье все было хорошо и царили мир и согласие, чтобы в будущем у детей все было хорошо, чтобы память об истории наших предков сохранилась на долгие годы.

И сейчас я хочу рассказать вам о своих предках по линии моей бабушки, которыми я горжусь!

Нестер Ильич Фомин - уроженец Верхней Толшмы Тотемского района Вологодской области, автор повести «Такая неизвестная война или маленькая повесть о китайском добровольце из Тотьмы». В 1952-1953 годах участвовал в боевых действиях в Северной Корее. Свой боевой труд прошел на 38-ой параллели старшим радиотелеграфистом, затем начальником радиостанции, имеет боевую награду Китайской Народной Республики, медаль «За отражение американской агрессии». После возвращения на Родину всю жизнь трудился.

Немного расскажу, о чём писал мой прадедущка в книге, а точнее, что происходило с ним в годы войны и после. На войну прадедущку направили старшим радиотелеграфистом в Северную Корею, дома осталась жена Валентина, и она даже не подозревала, что прадедущка пошел добровольно —

это был секрет. Вот он и приехал в Северную Корею. В книге прадедушка писал:

«Во время таких вот «проходов» американских бомбардировщиков мы бежали в землянку, говорят, что не у всех есть страх смерти. Я не знаю, как у других, знаю по себе. Потихоньку шепчу: «Господи, пронеси их дальше. Если уж удар, то лишь бы не прямое попадание». В противном случае как в песне: «И родные не узнают, где могилка моя». После месяца службы начальник радиостанции лейтенант Коваленко начал ценить прадедушку за его честность и прямолинейность. В феврале, когда случилось ЧП, прадедушка спасал солдат. Он пострадал: обгорели обе кисти рук, на пальцах остались только ногти, да и ступням ног досталось. Недели через две загноилась рука, поэтому врач решил отправить его в тыловой госпиталь в городе Чанчунь, но применили другие лекарства и гноение прекратилось. В первые дни после госпиталя его назначили дежурным по части, а затем - старшим смены радиоприемного центра на командном пункте авиадивизии.

Однажды его отправили сопровождать автомашину с горючим на приводную радиостанцию, через два дня направили сопровождать секретную почту в кожедубовский городок. После приезда командир радиостанции сказал: «Фомин, подбирай себе экипаж по своему усмотрению на выбор. Поедешь в Северную Корею начальником радиостанции». Собрав свой экипаж, объявив о времени выезда, решил написать домой письмо, предупредив жену о том, что писать будет редко, а про то, что в госпитале был, не написал.

Вот и закончилась война и прадедушка едет домой в СССР. Перед отъездом ему вручили награду, медаль от Китайского правительства «За отражение американской агрессии». Медаль и удостоверение написано китайскими иероглифами и прочитать можно только с переводчиками. А всего лишь через 35 лет после корейских событий, а точнее 28 декабря 1988 года, Президиум Верховного Совета СССР за мужество и воинскую доблесть, проявленные при выполнении интернационального долга, указом от 28 декабря 1988 года наградил Фомина Нестера Ильича грамотой Президента Верховного

Совета СССР воину- интернационалисту, подписанной Михаилом Горбачёвым с вручением медали. После возвращения, прадедушка работал в радиоузле в Верх-Толшменском и Карицком лесопунктах. В свободное время делал добрые дела и изготавливал гармошки. Прадедушка очень любил охоту, собирать и играть на гармошке, любил разводить картофель. Прадедушка ушёл неожиданно, имея хлопоты на завтрашний день. Ушёл..., оставив в рукописи свой последний наказ: « Надеево относилось раньше к приходской церкви д. Мироносице. Моё последнее пристанище должно быть тут - в Мироносице».

Валентина Михайловна Фомина.

Моя прабабушка была сельской учительницей, более сорока лет отдала преподавательской и педагогической работе. В свободное время прабабушка писала стихи.

Вот одно из них:

А я четыре длинных года
Родного, милого ждала,
Когда на службу проводила
И клятву верности дала.
Вернулся он, мой сокол ясный, -
Пришла счастливая пора!
И на весёлой свадьбе нашей
Гуляли гости до утра.
И были праздники и будни
Среди родных, среди друзей.
Так много лёгких дней и трудных
Осталось в памяти моей...
Работа, дом, хозяйство, дети –
И до утра не гаснет свет.
Как быстро пролетели эти
Все сорок семь счастливых лет!

Михаил Павлович Протопопов и Поликсения Михайловна (Волокитина).

В 1941-45 трудились в тылу. Дед был обязан служить на р. Сухона у водников. Река имела стратегическое значение, 274 км до Сев. Двины. По обеим рекам везли военные грузы от Архангельска до Вологды. Дед всю жизнь отдал служению реке. Теперь, к сожалению, по полноводной реке не идут теплоходы (конкуренты: автодороги).

Александр Ильич Фомин

С 18 лет воевал на торпедоносце, на Северном Флоте, в Баренцевом море у полуострова Рыбачий. "Юнкерсы" и "Мессеры" бомбили день и ночь. Потерял правую руку, тяжелораненый чудом выжил с тонущего торпедоносца.

Николай Михайлович Протопопов

Участник Парада Победы - 24 июня 1945 г. летел над Москвой в слове "Сталин" - в букве "И". Рано ушёл из жизни - война дала себя знать.

Александр Александрович Щиплецов

На всех фронтах зимой 1942 гибли сотни тысяч наших воинов, после фашистских бомбардировок живого места не оставалось. Из Лучкинских мужчин никто не вернулся с фронта.

Илья Николаевич Фомин, фельдшер, который учился еще у известного доктора-хирурга Вишневого в Царско-сельском госпитале под Петербургом. Диплом, выданный в 1916 году в Царском селе, как семейную реликвию мы храним и по сей день. Илья Николаевич погиб, был отправлен в те хмурые предвоенные времена.

Рассказ Фомина Нестера Ильича о братьях:

«Был отправлен учиться в ремесленное училище в Ленинград, в 41 году Саша обещал приехать на каникулы, но грянула ВОВ, и Ленинград перевели на военное положение. Брат со своей группой был отправлен для сооружения оборонительных рубежей под город Кингисепп, а потом началось отступление, и работал он на заводе. Небольшого роста, неокрепшие мальчишки, юные ремесленники, работавшие за станками завода «Электросила». Юным работягам, отучившимся всего лишь год, приходилось стоять на подставках, ящиках: ростиком ещё маловаты были.

Началась блокадная зима, самая суровая, самая голодная для жителей Ленинграда. Сашка ее еле-еле перенес, столько он там испытал-это не рассказать...

Сколько трудностей, лишений, голода...

В конце зимы через Ладогу с группой эвакуированных и в том числе брату с несколькими вологодскими парнями этого же училища удалось переехать Ладогу, и дальше по территории Вологодской области невероятным трудом они добирались до Вологды. Группа рассоединилась, так как они были из разных районов. Стали добираться своим путем, а брату предстояло от Вологды до Тотьмы 250 км. На нашу родину он еле-еле добрался, а в каком состоянии пришел - это уму непостижимо, как говорится, просвечивался без рентгена: настолько он был сух, чёрен. Матушка его всякими настоями, травами выходила, но ничего, парень стал поправляться. Матушка всем братьям купила где-то старенькую гармошку, и первым на гармошке стал учиться старший брат. Способности у него, видимо, были хорошие, как и музыкальные данные. Игра на гармошке получалась уж очень хорошо. Особенно получались Вологодские переборы, вот песни он играть не умел, да в то время песни у нас не играли. Местные парни играли свою Вологодскую игру, а так Сашка замечательно играл, про таких людей говорят: «Гармонисты первой руки». Вот таким он и был. В 1943 году стали брать на фронт, всем им было по 17 лет. 1 ноября призвали. Отправили их на призывной пункт. Попал Санька служить на северный флот на торпедные катера. Молодые солдаты, в том числе и мой брат Сашка, были атакованы вражескими конвоями. В одной из атак, вражеский конвой подбил их катер. Когда немцы стали подходить, чтобы взять моряков в плен, оставшиеся в живых открыли по ним огонь из крупнокалиберных минометов...не подпустили.

Немцы отошли дальше и ураганным огнем накрыли катер. Их осталось 4-ро тяжело раненных на палубе. Катер погружался в воду, в числе раненых оказался и мой брат. Во время атаки брату оторвало правую руку по самое плечо, вместе с пулеметом она куда-то упала в Баренцево море, а вся спина

оказалось иссечена осколками. В бессознательном состоянии Сашку взяли в плен. Как уже позже выяснилось: на берегу чудом спасся его друг-родственник Сколиков Леонид. В сентябре 44 года пришло письмо маленький треугольничек. Развернул я его, мать была безграмотная, читать не умела, там сообщалось: «Дорогая тётя Раиса, ваш сын Александр героически погиб в бою с немцами в Баренцевом море, накрыли вашего сына холодные волны, вечная ему память». Мать упала в обморок от такого горестного сообщения. Оплакали мы его. Шло время. Месяца через 3, а может через 4 где-то, около середины февраля из военкомата пришло специальное сообщение на имя матери: «Ваш сын Александр Ильич погиб в Баренцевом море во время боевого задания» - это уже официально. А через месяц вдруг пришел малюсенький треугольничек с воинским штампом, с корявым почерком, думал, кто-то пошутил. Дома никого не было, я развернул, читаю и никак не могу разобрать. Потом уже несколько раз перечитав такие слова - коряки я понял, что наш старший брат остался жив и находится в плену. С севера началось наступление в районе Печенги. Наши войска разгромили немецкий лагерь военнопленных, в том числе и брата, и еще 3-х моряков-торпедников освободили. Уже позже Сашка стал учиться писать.

Пришла мать, и я ей сразу с порога закричал:

- Мамка, у нас огромнейшая новость!
- Чего? (Она как-то удивленно посмотрела на меня)
- У нас брат Шурка жив.

И она опять села на пол, подхватил я её под руки, посадил на диван и читаю ей письмо. Хоть с переводчиком читай, но я уже изучил его по его словам. Написано кое-как: ведь все-таки левой рукой первый раз писать человеку - это очень-очень трудно, но он писал, что когда более лучше станет писать, то расскажет, что произошло более подробно. Недели через две пришло второе письмо, уже написано более аккуратно, и все слова уже хорошо разбирались. Он сообщал, что после лечения в госпитале он приедет домой.

Стали мы его ждать, и в середине апреля он прибыл. От Вологды добирался пешком, потому что в Тотемский район машины не ходили, да и начало все таять, через реку Сухону еле-еле перебрался. Прибыл он в затрёпанном армейском пехотном обмундировании, я даже удивился.

- Шура, неужели у вас обмундирования морского не нашлось?

- Да вот понимаешь, братик, в том-то и дело, что я находился в пехотном госпитале, и нас здоровых отправляли вот в таком стареньком пехотном обмундирование.

Я уж удивился, что неужели для тяжело израненного моряка североморца-торпедника не нашлось старенькой хотя бы морской формы, ну что жизнь есть жизнь... Стал брат учиться писать левой рукой. Надо куда-то трудоустроиваться. В колхозе определили бригадиром, машин в деревне не было, а чего он с одной левой рукой, да и спина вся изранена. Ухаживать пришлось мне, так как матушки он стеснялся. Нальем в тазик воду, и я мою ему спину, так страшно было смотреть. По обе стороны позвоночника раны были огромнейшие, едва моими ладонями прикрывались, от таких ран даже сосудики просвечивались. Я очень осторожно за ним ухаживал, так было пока он не женился. В начале 1946 года он женился, и уже жена стала за ним ухаживать.

Матушка купила старенькую гармошку: надо кому-то продолжать игру на гармонии в нашем семействе, брат теперь не гармонист: оторвало руку по самое плечо. Я стал учиться играть на старенькой гармошке, ну у меня это труднее получалось... Я ходил к гармонистам учился. Потом помаленьку научился, сяду играть, а брат сидит, смотрит и плачет от обиды, от досады, что фашисты его оставили без руки, при всём своём желании он уже не поиграет... сидит плачет... вспоминая свою молодость, игру такую замечательную как он Вологодские переборы играл. После меня начал учиться на гармошке мой младший брат, он уже подросток, и него были уникальные способности. Он ни у кого не учился, научился сам. Вологодские переборы так прекрасно отыгрывал, что мне даже было далеко еще в то время, а вот песни у него никак не получались, а у меня наоборот. Вот такая судьба у трех братьев

гармонистов.... А сейчас уже нет в живых ни старшего, ни младшего. Младший умер от сердечного приступа пару лет назад , а старший умер пару дней назад: видимо сказались годы, вернее голодная зима 1941 года, и тяжелое ранение на фронте.

Можно сказать ещё следующее, что брат пытался учиться играть левой рукой, развернет гармошку наоборот, прижмет подбородком в сторону вместо своей отсутствующей руки и вот помаленьку играет. Это очень трудно, почти невыполнимая цель: левой рукой играть Вологодские переборы - это не возможно, но он научился играть свои переборы, и у него они неплохо получались. Можно плясать под такие переборчики.... Вот такие успехи в игре были у нашего старшего брата».

И уж точно, есть у меня повод гордиться тем, что в моей семье жили такие замечательные люди, у которых душа соткана из лучиков добра и света.

В жизни и судьбе их, как в капле воды, отразились миллионы жизней и судеб целого поколения...